

Олег ГОРШКОВ,
*поэт, лауреат литературных премий,
сетевой редактор
(г. Ярославль)*

«ЧТОБ В СЛОВЕ ЭТО ВРЕМЯ ОТСТОЯЛОСЬ...»

Сборник стихов известного харьковского поэта Сергея Шелковского «Небесная механика», на мой взгляд, — настоящее событие в нынешней литературной, а точнее сказать, поэтической жизни. И не только потому, что выход каждой новой книги такого зрелого мастера поэтического слова является событием по определению. И даже не потому, что автор имеет немалую читательскую аудиторию, с нетерпением ждущую выхода этой книги.

Существенное значение для такой оценки имеет ещё и тот культурологический контекст, который неизбежно привносят реалии современного литературного процесса. Парадигма «художник и время», наверное, одна из самых ключевых в понимании сущности всякого рода творчества. Тем более, творчества, инструментом которого является слово. Выразить своё время, запечатлеть его дух — вот великое искушение, которое зачастую владеет человеком творческим, человеком пишущим, вот соблазн, так или иначе, направляющий его перо.

Но плоды этого искушения бывают самыми разными и непредсказуемыми. Стремление поспеть за временем, а то и опередить его, всегда побуждало поэтов к поиску новых форм эстетики. Процесс этот закономерен, сложен и противоречив. Однако в последнее десятилетие, к сожалению, в нём доминируют тенденции, которые не могут не настораживать. Так называемая «актуальная» поэзия и её всевозможные апологеты всё более рассматривает форму, лексическую концепцию, фасон «вербального платья» как некий фетиш, нечто самоценное и первостепенное в искусстве. От поэтической манифестомании и агрессивного самоутверждения всяческих постмодернистов, концептуалистов, метаметафористов и прочих искателей небывало новой искренности запросто может закружиться голова, как у читателей, так и у самих стихотворцев.

Сущностная, содержательная часть поэзии всё более отходит на второй план, если не низводится до малозначительного и не

всегда обязательного приложения к упомянутым изощренным играм в изящную словесность. Как будто возможно передать дух времени одним только сумасшествием формальных изысков. Вот и получается, что сегодняшняя «актуальная» поэзия отражает и выражает не столько суть стремительно ускользающего времени, сколько громыхание его сует и пустот, шипение его пены.

Тем ценнее, что наряду с подобными проявлениями карнавальной литературщины всё же пишется, издаётся и обретает своего читателя иная литература, в которой время преломляется в человеке и одушевляется человеком. И основным предметом такой литературы остаются вопросы, которые от Ноя и доныне составляют суть человеческого зыскания и беспокойства — жизнь, смерть, Бог, любовь, счастье. И не отношением ли человека к перечисленным вечным вопросам, прежде всего, определяется дух времени?

Для меня «Небесная механика» является событием именно потому, что лирика Сергея Шелкового буквально пронизана драгоценным пониманием сущностной взаимосвязи между менталитетом времени и менталитетом человека. И сам поэт отчётливо осознаёт свою художническую миссию.

*Чтоб в слове это время отстоялось,
весь этот подло-неизбежный век,
я, обречённый прозе человек,
держусь упорно за родную малость —
за право окликания стихов...*

В конце концов, именно человек — насельник, постоялец и кочевник, превращает пространство и время в ойкумену, в обитаемые, преобразуемые жизнью измерения.

Поэзия Сергея Шелкового — тоже ойкумена. Уникальная, завораживающая ойкумена. Вернее, обитаемая вселенная, вмещающая в себя множество времён и пространств. Читателям «Небесной механики» предстоит, на мой взгляд, захватывающее, но далеко не развлекательное путешествие по историческим эпохам, зачастую перекликающимся и «разговаривающим» друг с другом. И это вовсе не переключка блистательных теней из времен Пятикнижия и «глиняного века» Золотой Орды или первого и второго Рима, а то самое неизбежное, насущное зыскание внутренней гармонии с миром и самим собой, которое с помощью искусного пера замечательного поэта способно «оживить» любое время, сделать его мгновением, переживаемым здесь и сейчас.

Но настоящее путешествие по времени, предполагает и полноту пространства, выхваченного фокусом поэтического окуляра. Книга Сергея Шелкового — это ещё и богатое собрание картин, написанных с италийской и испанской, скандинавской и британской и, конечно, с излюбленной автором крымской природы. И это воистину роскошная, щедрая живопись. Натюрморт, пейзаж, портрет, жанровая сцена, эпическое полотно — всё в равной мере подвластно нашему художнику слова, всё проникнуто удивительной чуткостью автора, пристальным и пристрастным постижением самых малых подробностей бытия.

Отражённые в волшебном зеркале метафор и созвучий Эльсинор и Равенна, Валенсия и Андалузия, Феодосия и Гурзуф, Коктебель и Ярославль, начинают подрагивать, шевелиться, наполняться звуками, голосами, движением, пряным и терпким ароматом времени и места. На самом деле, умение создавать ощущение присутствия в литературном пространстве — дар исключительно редкий. Автор «Небесной механики» обладает им в полной мере.

*Но мирным утром клин травы исчерчен
улитками. Кефали косяком
обходят моль, чей абрис чуть увечен.
И бурым йодом свежий бриз наперчень,
и мальчик, тонкоплеч и безупречен,
спираль рисует ревностным мелком...*

Дышать не надышаться этим одушевлённым воздухом хронотопов, создаваемых Сергеем Шелковым. И тут, наверное, самое время отдельно сказать несколько слов об инструменте и, одновременно, о материале, с помощью которого и происходит сотворение этих аутентичных очарованных пространств — о языке, присущем нашему поэту. Читая книгу, невольно ловишь себя на мысли о том, что автор непременно должен испытывать наслаждение от своего камлания словом, своей демиурговой ворожбы, от ощущения послушности инструмента и податливости материала. Настолько органично сосуществуют в его стихах сущностное наполнение, троп и просодия. Настолько широка их образная палитра. И какое же там пиршество метафор! От метафор, похожих на текучий золотистый мед, наслаивающихся друг на друга, густеющих от строки к строке, до метафор стремительных, внезапных, обновляющих кровь:

*В виноградных корзинках несут
молодильное мясо искусства...*

Но вернёмся, пожалуй, к тому, с чего начали этот небольшой очерк о нашей книге — к вопросу о месте и значении человеческого аспекта в отображении времени. Может быть, самым определяющим и значимым моментом в преломлении темы времени является для автора «Небесной механики» художественное исследование сменяющих друг друга времён в самом человеке, постижение внутреннего, экзистенциального времени. «Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять...» — вот та экклезиастова поэтическая планка, которую задаёт себе автор.

И какими бы трудными ни были экзистенциальные поиски поэта, в какие бы разные эмоциональные оттенки ни окрашивалась интонация и настроение стихов, есть в мировосприятии автора нечто краеугольное, незабываемое, придающее читателю ощущение опоры в зыбком и превратном мерцании времён и сутей. Речь идёт о внутреннем этическом чувстве художника, порождающем некую личную иерархию ценностей — жизненных и творческих. Мне этот личностный этический выбор поэта и эти ценности, признаюсь, весьма близки. Близка и та апология исторической памяти, памяти рода и родства, всего, что охватывается ёмким пушкинским определением — «Любовь к родному пепелищу,/ Любовь к отеческим гробам», которая отзывается в стихах Сергея Шелкового собственной пронзительной нотой:

*Но озимь над блудилищем взойдёт —
и распашонку вновь мальцу пошили
всё те же руки матери святой.
Скажу: лишь этой кроткой красотой
мы Господу глаза и освежили...
Его сроднили с нами напрямик
Мария-дева, мать, и бабка Анна.
Преданье это — достоверней книг...*

Близка и понятна звучащая особенно мощно в стихотворении, давшем название всей книге, протестная интонация — неприятие поэтом торжествующей жестокости века, его продажности и тотального прагматизма, его разнузданной пошлости, этой

«актуальной» причёски цивилизации, прикрывающей холодную ослепительную плешь эгоизма, равнодушия и страха:

*Механика небес ещё ведёт
луч утра по колдобинам-пределам,
но высь и ось — под гибельным прицелом...*

И, конечно, главное в этой человеческой и поэтической иерархии ценностей — сама жизнь. Именно жизнелюбие, восприятие жизни, как бесценного, удивительного, божественного дара насыщает поэзию Сергея Шелкового непостижимым очарованным светом. В сущности, перед нами книга о принятии жизни и времени со всеми их несовершенствами, книга о любви, преодолевающей все неизбежные и трудные сомнения, весь человеческий непокой. И, что особенно ценно, перед нами книга, надиктованная богатым опытом чувств автора, происходящая из его чуткого и проникновенного созерцания жизни, из дара видеть, слышать, осязать жизнь во всей её полноте и подробностях и сопереживать ей, из дара воистину молитвенно «окликать стихи»:

*Оставь торгашу скарабеево знание,
неси немому своих дней не скорбя.
Господь лишь затем тебя мнёт Своей дланью,
что метит прицельной любовью тебя...*

В небольшой очерк, разумеется, не вместились многое из того, что хотелось сказать о «Небесной механике» Сергея Шелкового. Но оставим читателю право на собственные открытия, размышления и выводы. Несомненно одно — читателя этой книги ждёт встреча с замечательной, глубокой поэзией, которая доставляет радость и беспокоит, побуждает к диалогу и сопереживанию, заставляет задавать самому себе вопросы, на которые, далеко не всегда есть точные ответы. Слишком уж непостижимо устройство человека и мира человеческого, чтобы в них можно было когда-нибудь до конца разобраться. Ну, разве что с помощью небесной механики и поэтического слова — единственного летательного аппарата, позволяющего совершать такие вот путешествия во времени. Путешествия, обращающие и само время в поэзию.

*Я бы просил на помин принести
ветку полынную, пряно-седую.*

*Снова вдохну — и почти не тоскую.
Словно не жизнь проиграл я вчистую,
словно заснул на минуту в пути...*

Это поэзия, которую будут помнить. И как же замечательно-справедливо, что путь прекрасного поэта продолжается, что сама «молодильная сила искусства» оберегает свежесть его зрения и полноту сердцебиения. Остаётся лишь пожелать Сергею Шелковому долгого творческого пути на радость читателям, на благо русской поэзии.

2009 г.